5-й ГОД ИЗДАНИЯ | № 14 | ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АПРЕЛЬ | МОСКВА, Солянка, 12, Дворец Труда. ● Телефон редакции и конторы 5-08-17 | 1927 ГОД

В НАНКИНЕ...

Рис. Ю. Ганфа

— Почва удобрена прекрасно. Неужели на ней не взойдут семена англо-китайской дружбы?!

В УГОЛОВНОМ МИРЕ

Рис. Б. Антоновского

Италия подписала протокол о захвате Бессарабии Румынией
Из газет.

МИЛИЦИОНЕР:—Протокол о краже составлен. Сообщники подписались,—все в порядке... Значит, скоро и суд будет.

КИТАЙ

Гремите,
Громадой кидаясь,
Деритесь опять
И опять,
Что б с желтого горла Китая
Английскую лапу сорвать!

Никто уж не сдержит размаха,
Не сдавит меж пальцами жизнь...
Госкуй, задыхаясь от страха,
Квартал иностранный, дрожи!

Что скажешь теперь,
Англичанин?
Не веришь,
Но слышишь:
Шумит
Беда за твоими плечами—
По пробковой шляпе стучит!

Ты видишь: рабами которых
Считал ты, и думал: прижал!—
Теперь, зарываясь в конторах,
Ты слышишь:
Ревет их пожар?

Победу в ладони мы держим...
Ты видишь:
Уже под окном
Тот глаз, что казался померкшим,
Губительным вспыхнул огнем!

Так что ж это значит?
Беги же!
Награбленный ворох бросай!
Все ближе,
Все ближе,
Все ближе
Восставший свободный Китай!

ЗУБИЛО

ПРОКЛЯТАЯ ПРОБЛЕМА

ХОРОШО ранней весной, когда пахнет фиалками и кошками, когда отвратительный вой трамваев становится похожим на вздохи эоловой арфы, когда наглое фырканье автомобилей превращается в переливы пастушеской свирели, а вопли газетчиков в шорох молодой листвы и когда даже ответственные с'емщики становятся похожими на людей...

РАННЕЙ весной медик Остап Журочка втрескался в педфаковку Катю Пернатову.

— Я человек холодный,—говаривал о себе Журочка с гордостью,—и любовных штук не понимаю.

А тут вдруг взял да и втрескался.

— Ну что я нашел в этой дурехе? — терзался Остап, ворочаясь на твердых досках своего студенческого ложа,—и росту чепухового, и волосы какие-то серые, и глаза странные: не то синие, не то желтые... А главное—дура. Только и знает—хихи да хихи... Хаханьки ей все... Тьфу!

Медик отлично сознавал, что он несправедлив к Пернатовой, что вовсе ей не „хаханьки все" и что Пернатова девушка серьезная и начитанная. Сознавал, но боролся.

— Тоже,—злорадствовал медик, зарываясь головой в подушку,—к педагогической деятельности готовится, дура, а сама небось о женихах думает. Сама книжки читает и на диспуты бегает, а у самой одеколоны на уме. Знаем мы этих женщин...

Всю ночь провел Журочка в деятельной борьбе с обольстительным образом Пернатовой, а на утро выяснилось, что борьба окончена полным поражением и что он, Журочка, лежит на обеих лопатках.

— Что же теперь будет? — ужаснулся медик.

Любовь, как известно, не картошка. Ее не сваришь на стареньком примусе в ободранной кухне студенческого общежития. Любовь—штука тонкая и требует подхода.

Целую неделю страдал медик в одиночестве, но, наконец, не выдержал и рассказал о своих страданиях соседу по койке Кольке Дедушкину.

Колька упал на садовую скамейку, заменяющую ему постель, и долго дрыгал ногами. Потом сказал:

— Что же ты, дурак намерен предпринять?

— Жениться!—твердо сказал Журочка.

— Ну и женись, если, конечно, тебя привлекает именно этот не особенно удобный способ самоубийства.

— А вдруг она меня не любит?—испуганно прошептал Журочка.

— Да ты спроси ее!—посоветовал Дедушкин.

— Неудобно как-то... Взять вдруг и спросить: а вдруг обидится?

— А ты попробуй.

— Попробуй, попробуй. Легко сказать—попробуй... А ты пробовал?

— Я?—нагло сощурился Колька,—сколько угодно. К каждой девчонке нужно иметь особенный подход. Взять хотя бы к примеру твою Катьку. Чем интересуется Пернатова? Пернатова в данное время интересуется проблемой пола и брака. Я на днях видел ее на лекции „Здоровье и

брак". Ясно. Напори ей что-нибудь на эту тему. Подготовь почву. Дело верное, старик. На эту темку Пернатова в два счета клюнет.

— Неужели клюнет?—оживился Журочка.

— Клюнет. Раз Дедушкин говорит, можешь быть спокоен. Дедушкин, брат, знаток в таких вещах. Это я тебе прямо могу сказать. Без всякого хвастовства...

— ЗДРАВСТВУЙТЕ, Пернатова, — робко сказал Журочка, подходя к Кате в университетском коридоре.

— Здравствуйте, Журочка. Что это вас так давно не видно? И бледный вы какой-то, будто всю ночь не спали... Ах... каким он франтом! Смотрите, смотрите... Галстук надел!.. Пойдемте гулять... Сегодня солнце... Дивная погода... Чудесно!..

Пошли. Катя взяла медика под руку.

„Нужно действовать"—думал Журочка, ступая прямо в весенние лужи.

— Что это вы молчаливый такой сегодня? — спросила Катя, когда они уселись на бульварную скамью,—скажите же что-нибудь.

— Здоровье—это могучий фактор...—промолвил Журочка, подумав.

— Да? — рассеянно сказала Катя, — это интересно. Смотрите, какие смешные тени от деревьев. Совсем кругленькие.

— Дерево, как и человек, нуждается в заботе. Дерево, например, поливают водой, и человек тоже... должен каждый день обливаться... Это укрепляет мышцы и нервную систему...

— Неужели укрепляет?.. Это интересно... Вы знаете, Журочка, как странно... Вы мне эту ночь снились... Будто бы вы женились на Зинке Татарчук...

— Брак без гигиены немыслим. Здоровье брачущихся — могучий фактор.

Катя слегка отодвинулась от медика и с возмущением посмотрела на его красные уши.

— Вы твердо уверены, что здоровье могучий фактор?

- Да.

— С чем вас и поздравляю. Ну, до свиданья. Не провожайте меня.

— НЕ клюет!—грустно сообщил Журочка.

— Да, уж у такого дурака, как ты, клюнет—держи карман!—сказал Дедушкин.

— И говорить не хочет. Ушла, не провожайте, говорит...

— А ты о чем с ней говорил?

— О гигиене брака.

— Здравствуйте. Ты бы еще поговорил с ней о двенадцатиперстной кишке... Так знай же, дурак, что не далее, как вчера, я лично присутствовал при споре, когда Пернатова с пеной у рта говорила о естественном подборе и браке ради потомства.

— Ну?

— Вот тебе и ну...

▼

БЫЛ прелестный вечерний час, когда заря еще не погасла, а молочные звезды уже проявлялись на бледном небе. Огромная апельсинная луна медленно и нахально выползала из-за деревьев. В уединенной алее сада было тихо.

— Люди должны думать о своем потомстве,—хрипло говорил Журочка,—потому что потомство—это...

— Могучий фактор?—грустно спросила Катя.

— Да, именно могучий фактор. На основе естественного подбора мы, в общем и целом, можем обновить человечество. Был, например, такой случай, когда одна всемирная красавица предложила старому писателю Шоу вступить с ней в брак. „Я красива",—сказала она ему,—„а вы умны. У нас должно быть отличное потомство"...

— А вам известно, что ответил писатель красавице? — желчно спросила Катя.

— Н-н-нет, а что?

— Он ответил так. „Я боюсь,—сказал он,—что наши потомки наследуют мою красоту и ваш ум". Хороший вечерок сегодня выдался. Не правда ли? Я сегодня здорово повеселилась. До-свиданья, Журочка. Кланяйтесь всемирной красавице. Быть может, она найдет в вас подходящего мужа...

Катя быстро смахнула слезинку с бледной щеки и исчезла за поворотом аллеи.

▼

— НЕ понимаю, чего ей еще нужно?—горестно воскликнул Журочка, сжимая руками голову. Уж кажется целую лекцию ей прочел. Ни разу не запнулся. А она... это самое... Кланяйтесь, говорит, всемирной красавице... А сама... плачет.

— С таким дураком, как ты, поплачешь,—сказал Дедушкин, зевая,—знаешь ли, дурья голова, почему она плакала? Плакала она, брат, потому что сегодня я заметил у нее книжку Коллонтай „Любовь пчел трудовых", а ты ей всякую чепуху порол об обновлении потомства...

— Как? Ты сам видел? Читала?

— Лопни мои глаза.

— Тогда прощай, Дедушкин... Побегу в библиотеку...

ЛОДКА тихо скользила от берега и закачалась в лунной ряби. Катя села у руля. Журочка взялся за весла. Некоторое время ехали молча. Медик проглотил слюну и сказал:

— Что такое брак? Брак это есть отрыжка старого быта. Человечеству грозит опасность задохнуться в тяжелой атмосфере семейного очага. Любовь, связанная узами Загс'а...

— Причаливайте!—сухо приказала Катя,—мне пора домой.

— Нужно срывать цветы,—бормотал Журочка, послушно гребя к берегу,—долой... это самое... цепи, которые...

— Прощайте, Журочка,—твердо сказала Катя,—и пожалуйста никогда не зовите меня с собой гулять. Не пойду. Идите домой и займитесь вопросами брака среди туземцев Австралии и Океании. Почерпнутые сведения сообщите мне письменно с указанием источников, ха-ха-ха...

И Катя убежала, почему-то закрывая лицо платком.

— Н-ничего не понимаю...—прошептал Журочка, растерянно оглядываясь по сторонам.

И Журочка увидел... Что он увидел—описывать нечего, ибо это было описано миллионы раз. Журочка увидел перспективу сияющего многоточья ночных фонарей на реке. Увидел небо. Увидел луну и звезды... Журочка в первый раз в жизни увидел весну. И Журочка понял все.

— Чорт возьми! — воскликнул он, бросаясь догонять Катю,—еще не все потеряно.

— Пернатова, — пробормотал он, задыхаясь, — слушайте, Пернатова... Я... Это самое... долой гигиену... К чорту естественный подбор... Я... плевать хотел на это—как его... цепи очага... Я... Пернатова, я вас люблю, Пернатова!.. Хотите ли вы на мне жениться?.. И потом я хочу вас поцеловать... Можно?

Так они и сделали. Поцеловались.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

ВСТРЕЧА С НАЧАЛЬСТВОМ

Рис. А. Радакова

— Не сочтите за дерзость, товарищ заведывающий, что я намылил вам голову...

ПЕРЕБОРЩИЛ

Иллюстрация М. Черемных

Счетовод Хрякин нервно прохаживался у двери кабинета заведующего. Заведующий был занят и просил обождать.

Хрякин волновался:

— Неужели откажет? Чорт его знает, от него всего можно ожидать!

Завтра — рождение Верочки. Нужно обязательно купить подарок и притом такой, чтобы ни Хрусталев, ни Угрюмов перешибить не могли. Это — раз! А потом нужно принарядиться. А что это значит? Это значит — нужно заплатить прачке за белье, купить новый галстук, носки и прочее. Это — два!

— Пятьдесят монет — меньше никак не обойдешься! Буду просить семьдесят пять, он любит сбавить. Пусть сбавляет — четвертную уступлю... Чорт возьми, а ну, как наотрез откажет? Прямо, хоть вешайся! И занять не у кого, — перед получкой все над полтинником дрожат.

И Хрякин, вздохнувши, холодной рукой расправил на шее воротничок:

— Уф! Самый критический момент! Будь сейчас полсотни в кармане и — крышка: Верочка — моя! А вот нет их и...

Из кабинета заведующего вышли посетители. Надо было итти.

Хрякин подтянулся, осадил плечами пиджачок, поправил волосы, облизнул губы, крякнул — и отворил дверь кабинета.

Заведующий подписывал бумаги. Хрякин притворил за собой дверь, сделал на цыпочках два шага и кашлянул.

— Вам что, товарищ?

— Я к вам, Алексей Степанович...

— По какому делу?

— Насчет этого... авансика. Прямо — зарез!

— Так, ведь, вы из бухгалтерии, — ну и обратитесь к главному бухгалтеру. Я-то тут при чем?

— Товарищ Маркин говорит, что он сам не может. И послал к вам...

— То-есть, как это — послал? Он что — отказал вам, что ли?

— Д-да... то-есть, нет... Он говорит, что, если вы разрешите, то и он разрешит.

Заведующий рассмеялся:

— Ну, а вы передайте тов. Маркину, что, если он разрешит, тогда и я разрешу. Понимаете?

Хрякин подхихикнул и осмелел:

— Алексей Степанович. Я, кроме шуток...

— Да и я то же, кроме шуток. Вы же знаете, что мы, как правило, никаких авансов не выдаем, особенно теперь, когда у нас каждая копейка на учете. Читали приказ?

— Читал... Да у меня сейчас такие обстоятельства...

— А если у вас обстоятельства, так обращайтесь в кассу взаимопомощи.

— Я обращался — там нет ни копейки.

— А вам много нужно?

— Семьдесят пять рублей.

— Ой-ой-ой — какая огромная сумма! Для чего же это? Уж не алименты ли какие?

Заведующий шутил и был явно в хорошем настроении. Хрякин решил, что дело его почти выгорело. Он подал заявление.

— Подпишите, Алексей Степанович... Ей богу же, необходимо!

— Через три дня жалованье будем выдавать. Потерпите.

— Я не могу ждать — мне сегодня нужно.

— Что же у вас за крайность такая? Вдруг сразу дай ему семьдесят пять рублей. Ведь это почти весь ваш месячный оклад. Ведь с вас эти деньги вычитать будут. Подумайте-ка? Как же вы жить будете? И на что вам такие деньги?

— Нужно, Алексей Степанович...

— Зачем? В карты играть? Не дам! Жениться хотите? Три дня всегда подождать можно!

— Не всегда можно ждать, Алексей Степанович.

— Так вы и впрямь жениться собираетесь?

— Н-нет, Алексей Степанович... — и Хрякин невольно подумал о Верочке и невольно улыбнулся.

Улыбнулся и заведующий и подмигнул Хрякину:

— А-а... понимаю... Не жениться, но в роде... Не дам! Успеете. Да и вообще это дело такое... опасное. Тут и до растрат дойти можно. И чорт знает до чего! Не дам!

И, как-будто вспомнив что-то неприятное, заведующий сразу вдруг стал скучным, усталым, серьезным и строгим:

— Ну-с, а теперь не мешайте мне работать. Я вам сказал вполне серьезно: не дам. Поняли?

Хрякин сразу похолодел и растерялся. Он чувствовал себя так, как чувствует полководец, когда сражение казалось бы совсем выиграно и вдруг, по непонятной причине, его полки в панике обращаются вспять.

Надо было спасать положение. Надо было придумать неожиданную контратаку. И Хрякин придумал.

Согнавши с лица малейший намек на улыбку, он страдальчески сжал губы и сдвинул брови:

— Как хотите, Алексей Степанович! А я не уйду отсюда, пока вы не подпишете мне аванс!

Заведующий изумленно взглянул на Хрякина и от неожиданности даже ручку выронил. А Хрякин продолжал дерзко и решительно:

— Шутки-шутками, — а мне не до шуток! Дело идет о человеческой жизни! У меня мать больна, Алексей Степанович. И, если я сегодня же, сейчас же не пошлю ей денег, — я... я не знаю, вообще, что будет!

Хрякин, действительно, не знал, что будет, потому что матери у него не было уже лет десять, а сварливая и ехидная мачеха к его великому сожалению была здорова, как бочка. И Хрякин видел ее всего два раза: в день ее свадьбы с отцом и в день похорон отца. Он не питал к ней никаких чувств, кроме ненависти, не без основания считая ее виновницей отцовской гибели.

— Что же вы сразу не сказали? — спросил заведующий и в упор уставился на Хрякина.

Хрякин мужественно выдержал взгляд и ответил суровым укором:

— Я надеялся, что вы и так поймете. Раз человек просит...

Заведующий быстро взглянул на часы, как бы что-то соображая.

— Где живет ваша мать?

— В Самаре, Советская улица, дом бывший Гулячкина.

Хрякин машинально назвал адрес мачехи, собираясь обидеться. Но заведующий уже писал резолюцию на заявлении, и Хрякин смолчал.

— Наверное, теперь уж не убавит! Получу все семьдесят пять! Здорово я на мамаше спекульнул!

И, внутренне ликуя, он нагнулся над столом, стараясь разобрать, что пишет заведующий. В уголке заявления крупно и четко был написан адрес мачехи.. И больше ничего!

Хрякин передернулся, надулся и побагровел:

— Вы ч-что же? Мн-не н-не доверяете? Да? Человек почти умирает, каждая минута дорога, — а вы проверять будете? Ну что же? Проверяйте!

И, окончательно войдя в роль, он вдруг задохнулся и оскорбленно сверкнул глазами:

— Это... просто издевательство, Алексей Степанович! Да! Безобразие! Вы пользуетесь своей властью! Лучше уж прямо откажите, чем так оскорблять человека!

Заведующий встал и положил руку на плечо Хрякина:

— Возьмите себя в руки, милый! Я понимаю, вы взволнованы, но нельзя же так... Никакого издевательства нет. И проверять вас никто не думает. Наоборот. Я просто хочу вам помочь. Я вас задержал. Сейчас уже четыре часа и деньги вам смогут выписать только завтра утром. Вы можете опоздать. А сейчас как-раз идет артельщик на почту, и я прикажу ему послать по вашему адресу. Так будет скорее. А завтра вам выпишут ордерок, и вы распишетесь.

Точно молния сверкнула вдруг в мозгу Хрякина. Он понял. Понял, что переиграл. Понял, что мачеха получит его кровные денежки и потом их будут с него вычитать.

И вся кровь бросилась ему в голову:

Конечно, эта ведьма не вернет! Обрадуется, гадина! Что делать? Что?! Что?! Что?!!

С перекошенным ртом Хрякин вырвал заявление из рук ошарашенного заведующего, разорвал его на мелкие клочки и, бешено хлопнув дверью, выбежал в коридор.

Здесь он остановился. Отдышался, поглядел на старый галстук, на грязную рубашку... Вдруг представил себе Верочку с огромным букетом цветов под руку с Хрусталевым.

И, до боли сжав кулаки, — заплакал скупо и злобно.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ КУМАЧ

ОКИТО И ВОЛОКИТА

Рис. М. Черемных

В Москве гастролирует знаменитый китайский фокусник Окито.

Фокусник берет один цветок — и вот что получается.

Бюрократ берет одну бумажку — и вот что получается *).

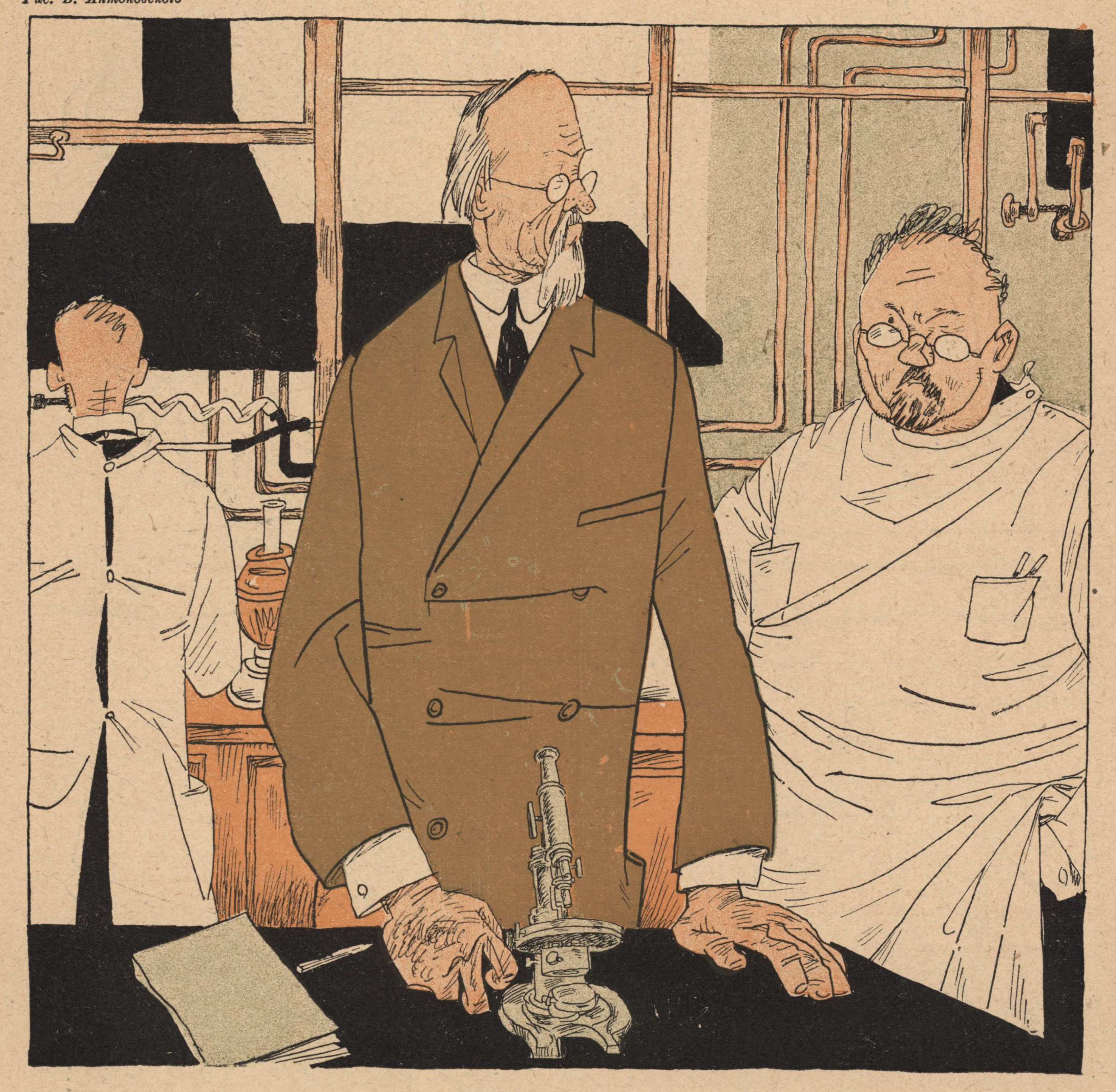
*) Впрочем, ничего не получается...

ТЕОРИЯ МАЛЫХ ВЕЛИЧИН

Цены на французскую булку снижены, но за то быстро уменьшается ее величина.

Из газет.

Рис. Б. Антоновского

— **Профессор! Это—увеличенный микроб?**
— **Нет. Это—удешевленная булка!**

ЛЮБИТЕЛЬ

КТО живал в коммунальных квартирах, тот знает, сколько нужно проявить терпения и выпустить ругательств, прежде чем попасть... ну, хотя бы в ванную. Я подхожу к двери четвертый раз и четвертый раз возвращаюсь назад—занято.

Я смотрю на часы и замечаю, что это продолжается уже в течение получаса. Ко мне примыкает сосед по комнате справа, он подходит уже третий раз, а через несколько минут к нам прибавляется сосед по комнате слева, и мы совершаем шествие уже втроем. Наконец, наше терпение лопается, как туго натянутая струна. Все трое мы сталкиваемся у дверей... Ну, хотя бы ванной.

— Кто там может быть?— спрашиваю я.

— Опилкин,—говорит сосед справа.—Я видел, как он вошел.

— Но это же безобразие!—возмущаюсь я и стучу в дверь.—Гражданин Опилкин, прошу освободить! Что вы сидите там целый час?

Молчание.

-- Послушайте, Опилкин!—дергаю я дверь.—Поторопитесь! Вы издеваетесь над нами. Здесь уже очередь образовалась.

Тишина.

— Тут что-то неладно,—говорю я своим спутникам,—может быть, он заболел, потерял сознание?

— Вполне возможно, — соглашается сосед справа.—Все может случиться с человеком.

— Надо выломать дверь!—решаю я.

— Постойте!—хватает меня за плечо сосед слева.—Надо позвать дворника. Знаете, бывали случаи, заберется так вот и повесится.

Я бегу за дворником, и он приходит с молотком, стамеской и клещами. Запыхавшись, прибегает и управдом. Дверная задвижка трещит под ударом молотка, дворник надавливает плечом, и дверь шумно распахивается. Опилкин сидит, и по лицу его плывет блаженная улыбка.

— Граждане, если б вы знали,--срывает он с себя наушники радио-приемника,—какой волшебник этот германский дирижер! Что он сделал из 9-й симфонии, какое изумительное мастерство! — смотрит на нас Опилкин блестящими, восторженными глазами.

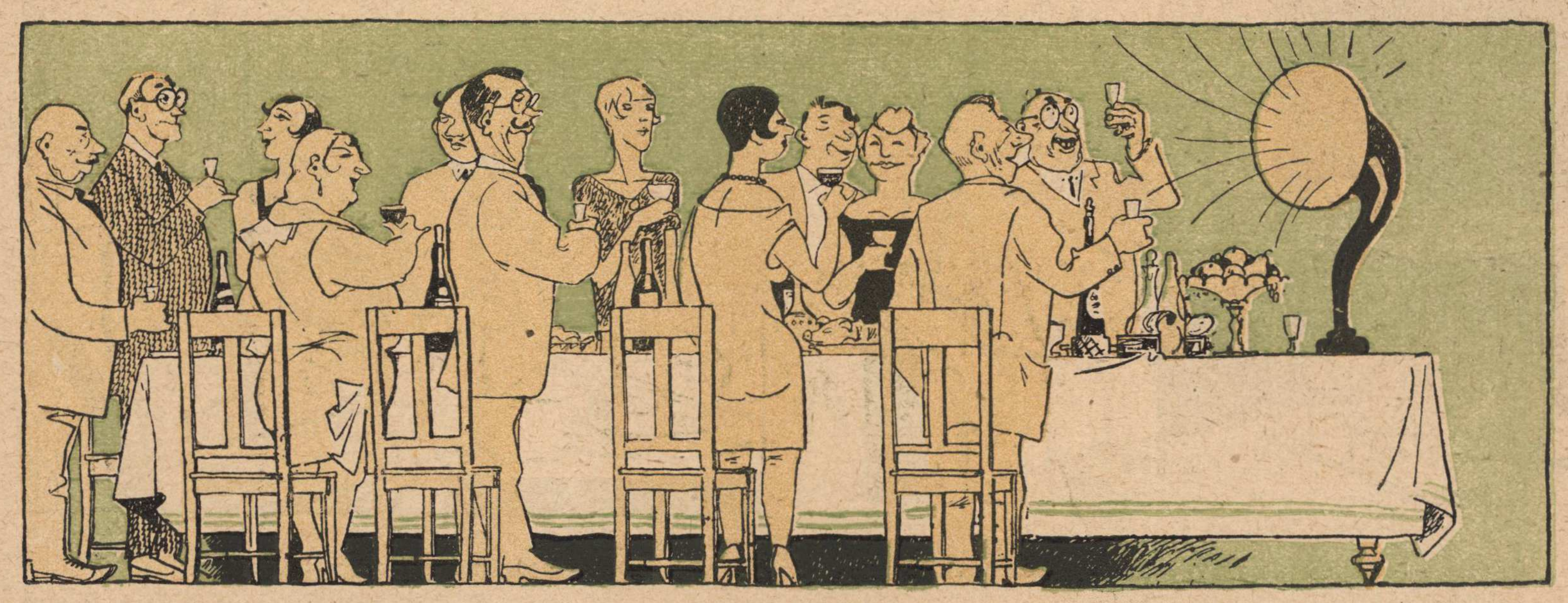
Читатель, вы не радио-любитель?

К. МАЗОВСКИЙ

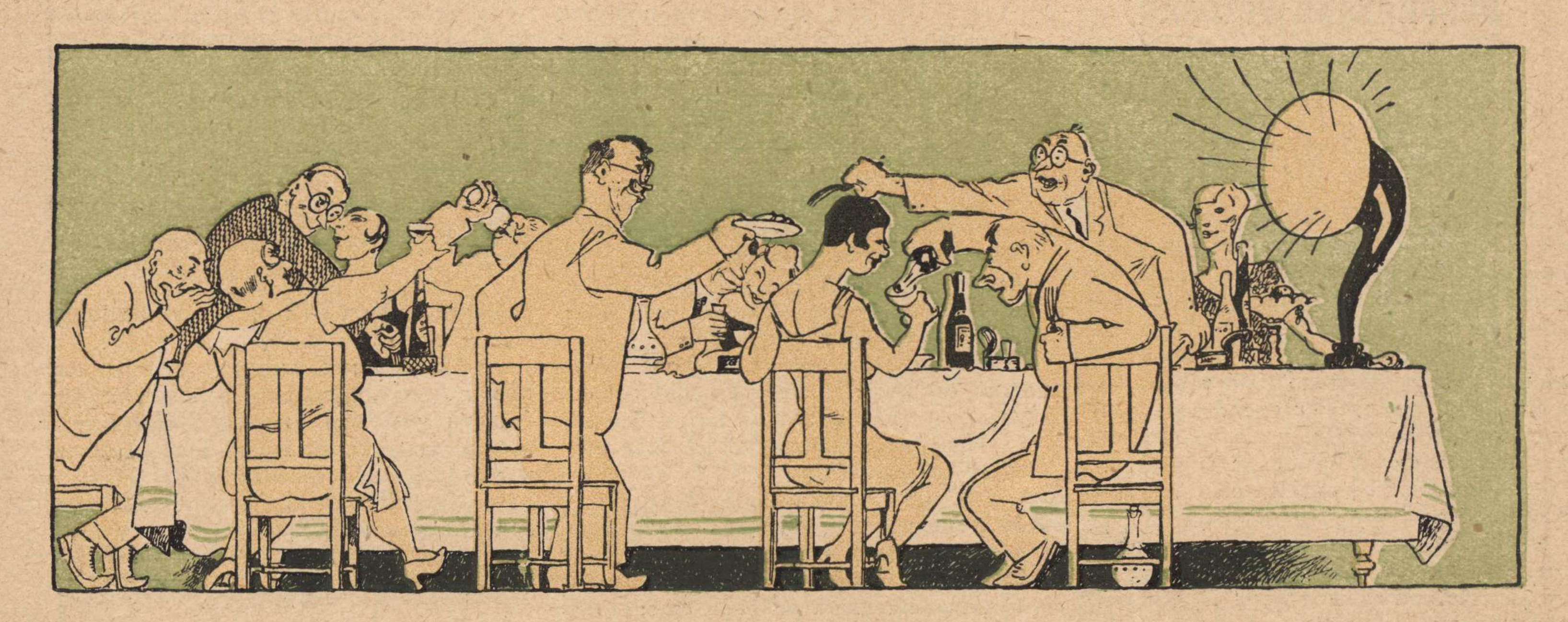
ВЕСЕЛОЕ РАДИО-БУДУЩЕЕ

По субботам наши радиостанции обыкновенно передают „музыку для танцев". Нередко приходится слышать такие оповещения: „Алло! Алло! Сейчас будет полька! Приглашайте дам! Алло! Алло!" Если радио пойдет и дальше в этом направлении, то недалеко время, когда по радио можно будет руководить вечеринками, банкетами, октябринами и т. д. Пророчески настроенный „Смехач" с некоторой тревогой рисует возможное радио-будущее:

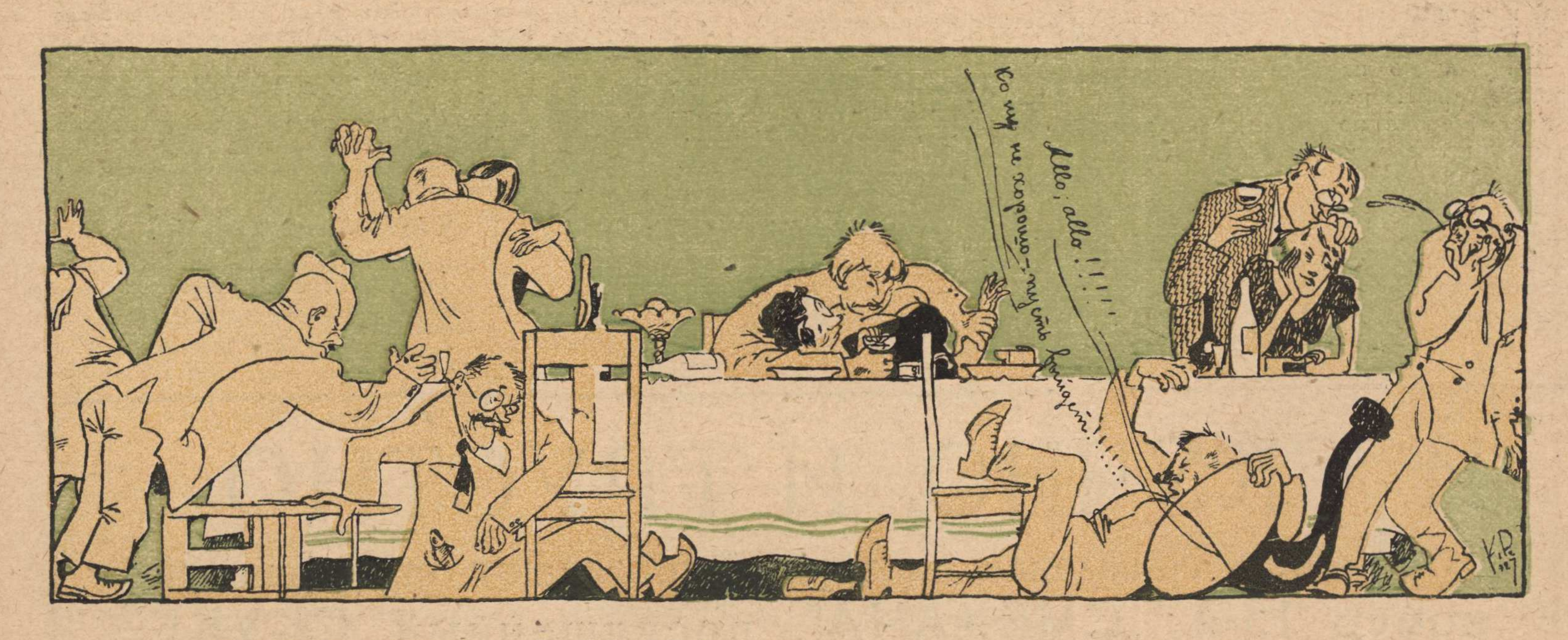
Рис. К. Ротова

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ:—Алло! Алло! С чего-бы начать, дорогие граждане? С беленького, что ли?..

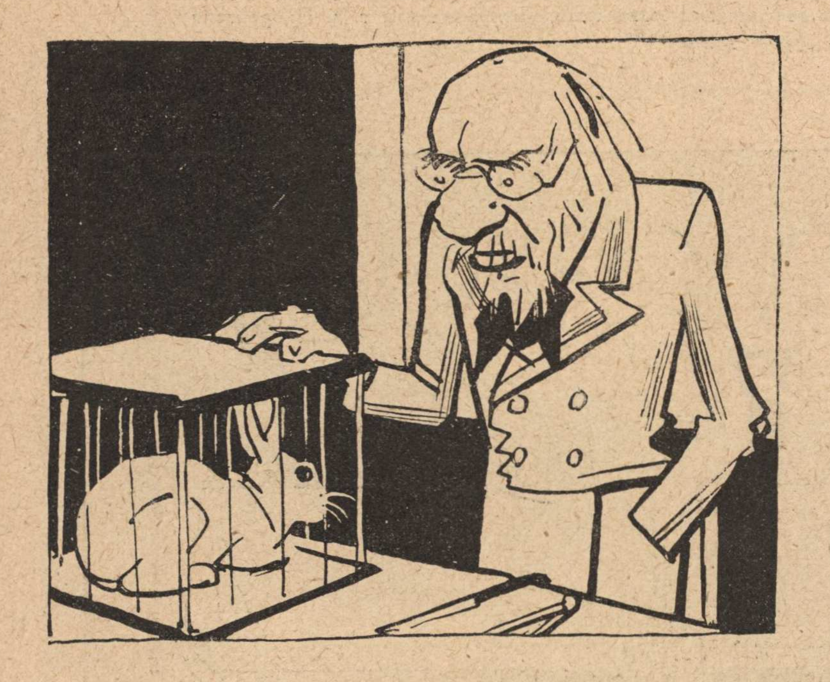
ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ:—Алло! Алло! Теперь, после жаркого, можно и крюшончиком побаловаться...

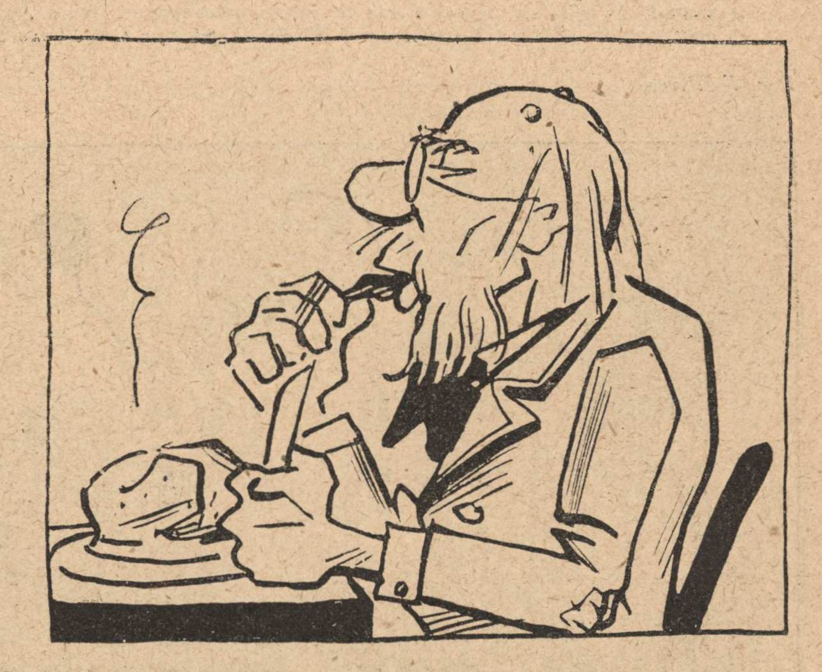

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ:—Алло! Алло! Ежели кому не хорошо,—пусть выйдет на минуту!..

НАУЧНЫЙ ОПЫТ

Рис. Н. Радлова

— Зачем кормить кролика, когда... ...можно им подкормиться?

НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Случалось — непосредственно после пионерской радио-газеты передавалась лекция об аборте и противозачаточных средствах.

Из газет.

ЕРЕПЕЙНИКОВ выходил из себя. Его сын и дочь слушали по радио пионерский концерт, а сразу после концерта должна была начаться лекция об аборте.

— Да пойми! — говорил он в раздражении жене. — Не только об абортах, но и о противозачаточных средствах!.. Обо всех этих, чорт возьми, предохранителях, что выставляются теперь в витринах.

— Кошмар!.. — ужаснулась жена. — Как же быть?

— Как быть? Ясно: надо как-нибудь отвлечь их от радио... Посоветовать сходить что ли куда-нибудь! Прямо и не придумаешь... А все ты! „Оперы хочу слушать, поставь радио!“ Вот и поставил, и слушай оперы о презервативах! Эх!!.

— Ну, ладно, не ругайся. Пойду попробую отвлечь их...

Ерепейникова пошла к детям и начала атаку с дочери. Кстати, в это время был антракт.

— Надя, охота тебе всякие детские вещи слушать!.. Ты уже вышла из этого возраста! — попробовала она сыграть на детском самолюбии. — Погода хорошая, пошла бы прогуляться!..

— На коньках бы, ребята, покатались! — начал наступление и отец. И попробовал приврать: — Сейчас на нашем катке состязания начинаются!..

— Да, да, да! — поддержала мать. — Какие-то заграничные чемпионы приехали! Испанцы, кажется!..

— Да испанцы, мама, и на коньках-то не катаются! — улыбнулся мальчик — У них зимы-то не бывает...

— Ну, так португальцы иль американцы что ль!.. — поправилась Ерепейникова. — Позабыла я...

— Гм... Почему же нам ничего неизвестно об этом? — недоверчиво возразила дочь. — Мы вчера на катке были!..

— Наверно, позабыли об'явление вывесить! — сказал отец.

— Не может этого быть! Вы что нибудь перепутали! — возразил сын. — Наверно, на другом катке...

Отец чувствовал, что первая атака проиграна, и решил соврать еще:

— Да, я и позабыл! — хлопнул он себя по лбу. — Ведь сейчас также лыжные состязания назначены!

— Что? Тоже с участием испанцев? — иронически произнес сын.

— Эти... как их... итальянцы!

— Нет, лыжи надоели нам...

— А эта ерунда не надоела? — проворчал Ерепейников, показав на радио.

— Ну, вот? Как же это может надоесть, папа?!

Отец мысленно обругал детей чертями и вышел с женой в соседнюю комнату.

— Одно средство осталось!.. — мрачно пробасил он.

— Какое?..

— А вот увидишь сейчас... Да надо спешить, а то минут через пять аборт начнется!..

Он вынул из шкапа какие-то особенные ножницы и перерезал проходивший через комнату провод от радиоприемника...

Через минуту в комнату к ним вбежал сын и сказал:

— Папа, у нас аппарат испортился! Мы к Лопатиным идем слушать!..

Дети унеслись вихрем. Старая чета опустилась в растерянной позе на диван, и жена ядовито сказала:

— Ступай теперь к Лопатиным провода обрезать!..

Ф. БЛАГОВ

ВЕСЕННЕЕ

Хозяйственник: Чорт его знает, какая духота в кабинете. Давно надо бы рамы выставить, да все как-то сомнительно. Ведь кампания по этому случаю еще не об'явлена.

ПО ПРИВЫЧКЕ

Жена: Ох, уж эта весенняя сырость. Опять у меня щеку раздуло.

Муж-ответработник (машинально): Вот мы ее сократим!

ОБЫВАТЕЛЬ БРЕЕТСЯ

— Бритвочка-с не беспокоит?
— А это какая бритва? Советская?
— Советская-с!
— Беспокоит!

ПИСАНАЯ ТОРБА „СМЕХАЧА“

С ФРОНТА получено свежее донесение. Впрочем, вы не знаете, о чем речь.

И предвижу испуг на вашем лице:

— Какой-такой фронт?.. Где?! Близко?!! И не пора ли бежать за солью и мукой?!!!

Успокойтесь,—не надо бежать за солью и мукой.

Фронт, слава богу (именно, богу и никому другому), далеко—в Минске.

Ну, вот. А теперь, когда вы отдышались, слушайте дальше.

Из Минска получена телеграмма от 17-го марта:

„Сегодня пред началом молебствия на площади перед православным собором собралась большая толпа женщин и стариков. Когда попы „живоцерковцы“ начали молебствие, толпа ворвалась в церковь. Несколько десятков человек, во главе с попами-староцерковцами, с криками „бей антихристов“—набросилась на „живоцерковцев“. Избиваемые живоцерковцы бросились за амвон. Толпа осадила „царские врата“. Живоцерковцы бежали через черный ход. Произошла драка между сторонниками тех и других. Многим нанесены побои и ушибы“.

Итак, кончилось зимнее затишье, и первые дни весны приносят весть об оживлении на фронте.

Каковы планы бежавших живоцерковцев? Мы думаем, что, отступив на заранее подготовленные позиции, они произведут перегруппировку сил с тем, чтобы ловким маневром обойти один из флангов противника и ударить на него с тылу в то время, как он торжествует свою победу на амвоне и у „царских врат“.

Впрочем, староцерковцы тоже не лыком шиты.

По сведениям, они спешно возводят окопы по линии—амвон—царские врата и дальше, вплоть до иконы Николая Чудотворца Мирликийского.

В бою 17-го марта особенно отличился иерей Скоропост, раздававший налево и направо оплеухи с криками:

— Рука дающего не оскудеет!

У ГРОБОВОГО входа играет младая жизнь. И вот по какому поводу:

В московских газетах появились заметки о предполагающемся перенесении праха Пушкина в Ленинград.

В редакцию псковских газет немедленно посыпались многочисленные протесты крестьянских сходов. Особенно горячо протестуют крестьяне Пушкинских Гор (телеграмма из Пскова).

Вот так—закрою глаза и представляю себе этот крестьянский сход.

— Ребята! Обожди! Не расходись. Повестка не окончена. В повестке—прах остается.

— Чево такое?

— Прах, говорю, в повестке. Так что перехожу к изложению того праха. Товарищи! Нашему праху Пушкина угрожает вывозка в Ленинград..

Голос с места:—Ишь ты! Своих, что лича, у их мало?!

— Товарищи! Ежели вывезут,—с чем останемся?

Голоса:—Правильно! На замену нету!

— Чем кормиться будем? При прахе то оно способнее: искурсии едут, дачники разные. А возьми ты у нас прах,—все как есть пойдет прахом! Так что предлагаю единогласно выразить протест...

Впрочем, это мне с закрытыми глазами такое представляется. А для открытых глаз четко и ясно напечатано:

„В протестах говорится, что Пушкин хотел быть похороненным в родных местах и нарушение воли поэта недопустимо“.

Вот оно как! Вон они пушкинианцы какие!

Одним словом, ба-а-льшие прах-тики!

ИВ. ПРУТКОВ

СОРОК ЧЕЛОВЕК И ВОСЕМЬ ЛОШАДЕЙ

Еще о заготовке дров

Поэт Всеволод Рождественский в стихотворении „Молодость“ („Красная Газета“) пишет:

Опаленные счастьем и гневом,
Как деревья в шумящей груди.

У человека целый лес в груди, а он стихи пишет.

Вместо того, чтобы заготовлять дрова...

Недержание денег

Иногда жизнь рассказывает анекдоты почище любого весельчака. Такой веселый анекдот случился с секретарем ленинградского металлоплавильного завода Либерманом, который, как сообщает „Красная Газета“,

пришел в угрозыск и подал заявление, что он с апреля месяца систематически растрачивает казенные деньги. Растратил уже свыше 1000 руб. Пишет: „Боюсь, что еще больше растрачу. Ревизионная комиссия спит и никогда ничего не узнает. Держите меня, а то я за себя не ручаюсь!“

Жалко, что Либерман не просил, чтобы его „держали“ с самого начала. Тогда бы деньги держали на текущем счету, а самого Либермана не держали бы на заводе.

Совершенно новый стиль

В селе Люксембург, сообщает Мариупольский „Приазовский Пролетарий“, 21-го января появилось такое об'явление:

> **ОБ'ЯВЛЕНИЕ**
>
> Настоящим об'являю, **что в субботу, т.-е. 21/I — 1927 года,** в помещении театра в 6 часов вечера состоится торжественный митинг в виду праздника **9-ой годовщины Октябрьской революции** и также будет поставлен спектакль бесплатно.
>
> Зам. пред. сельсовета Б. Клейн.

Под мудрым руководством Клейна село Люксембург живет своеобразной жизнью, а именно: 1-е мая празднует 7-го ноября и, щелкая зубами от холода, заводит весенние хороводы.

Курские „соловьи“

Хорошо пишут в Курске „курские соловьи“.

К чертям служенье Мельпомены,
Угасли чувства, пыла нет.
И в миг бежит драмбуз со сцены
На подработанье монет!

Ах, если бы и поэт „Курской Правды“ А. М-ский нашел себе другое поприще для „подработанья монет“. Вероятно, Мельпомена устроила бы ему пышные проводы!..

А вообще—как обстоит в Курске дело с ликбезом? Повидимому, хромает.

Кто виноват?—Сорвите покрывало!

Снилось ли когда-нибудь Саломее, что она попадет в сибирскую деревню и будет голенькая танцовать в избе-читальне **„танец семи покрывал“**?

Между тем,—как сообщает „Сов. Сибирь“,—фильма „Саломея“ проделала в деревнях Красноярского округа длительную командировку...

„Смехач“ полагает, что в данном случае не стоит тратиться на семь покрывал.. Достаточно один раз покрыть...

Рыболов, али хмельный молодец?

В Сибири в настоящее время гастролирует профессор М. Т. У. (Московского театрального университета?!) Николай Луганский с докладами на тему о **„смысловом ядре женского тела“**,—при чем,—как напечатано в афише:

Доклад сопровождается сильным балетом несравненной Клео Луганской, после которого состоятся прения...

И, действительно, прения состоялись, но только на Ново-Сибирском с'езде Рабиса, который сразу раскусил этот московский орех, добрался до его смыслового ядра и от сибирских берегов оттолкнул несравненное тело профсоюзным веслом.

Есть в народе слух ужасный... Говорят, что тело до сих пор плывет по волнам халтуры и стучится под окном и у ворот захолустных сибирских театров..

Берегитесь, Николай Луганский! Суд наедет—отвечай-ка...

На путях экономии

Несколько веселых цифр дает журнал „Советское Кино“.

В работе Севзапкино постановка картины „Декабристы“ стоила 350 тысяч, „9 января“—300 тысяч.

При переходе дела в Совкино стоимость фильм внезапно упала до 13 тысяч.

Если даже прибавить к этим 13 тысячам стоимость содержания прежних руководителей дела в доме заключения, то и тогда экономия остается безусловно крупная.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ УГОЛОК

Рис. Б. А.

„Искусство—трудящимся“.

ФЕЛЬЕТОН С МОРАЛЬЮ

Рис. М. Черемных

ВАША нежная мать, дорогой читатель, с детства запрещала вам лгать. Вам твердили, что ложь— отвратительнейший из пороков.

Вы помните подробности ужасной истории, вы, очевидно, не забыли еще и о волках, действительно напавших на стадо, и о крестьянах, уже не поверивших крикам о помощи.

Вспомните! Жестокие волки безжалостно с'ели этого не состоявшего в Союзе подростка, и никто (кроме вас, мой чувствительный читатель) не смахнул невольной слезы.

▼

Перед окнами огромного универсального магазина толпился народ.

...В витринах сияли восхитительные лозунги:

„В виду снижения цен — скидка 20%". Молодой человек, розовый, вихрастый, с неистово красными, оттопыренными ушами с трудом растолкал толпу и нерешительно вошел в под'езд. Шумный людской поток сразу же подхватил его и понес по нескончаемым лестницам и этажам магазина.

Через час молодой человек пришел в себя и робко протиснулся к прилавку.

— Здравствуйте — почтительно поздоровался он с приказчиком:—я, видите ли, из Конотопа. Тетя Маня просила купить ей прюнелевые ботинки.

— Прюнелевые?—высокомерно переспросил приказчик:—Не держим... Вот,—вывалил он с дюжину картонок,—заграничное шевро, высший сорт...

— Сколько?—застенчиво спросил молодой человек.

— Сорок!—сухо сказал приказчик.

— Итого, считая скидку, тридцать два — торопливо высчитывал покупатель: — но неделю назад, мне кажется, они стоили всего двадцать пять...

— Сорок со снижением, без снижения — пятьдесят—сердито отрезал приказчик:—а через неделю и вовсе шестьдесят будут...

Этот наивный идиот возмутил его до глубины души.

— Вы что ж? накинулся он на покупателя.— Покупаете или прицениваться пришли?

Молодой человек густо покраснел.

— Я с... сейчас—забормотал он, запинаясь, и стремительно убежал вниз.

▼

Прошло три месяца. Перед окнами того же универсального магазина толпился народ. В витринах рядом с портретами фокусника Окито сияли восхитительные лозунги:

„В виду снижения цен—скидка 25%. Все товары—ниже себестоимости".

Молодой человек из Конотопа решительно растолкал толпу и быстро подошел к витрине.

— Жулики, — подумал он, разглядывая лозунг:—небось, опять цены взвинтили.

Молодой человек махнул рукой и мрачно побе...

▼

...жал прочь—заканчивает за меня догадливый читатель и вспоминает мораль.

— Единожды солгавши—кто тебе поверит!

Читатель напрасно щеголяет своей сообразительностью. Фельетон заканчивается совсем не так.

...жал в магазин. Людской водоворот подхватил его и понес по лестницам и этажам. За три месяца, проведенных в Москве, молодой человек освободился и от соломы в волосах и от наивности и от рыжих ботинок с резинками.

—...Здравствуйте!—почтительно поздоровался он с приказчиком...

Он энергично заработал локтями и в два счета проскочил в обувное отделение

— Здорово, старик!—бодро поздоровался он все с тем же приказчиком.

— Давненько не были!—почтительно склонился приказчик.

— Небось, опять цены взвинтили? — весело осведомился молодой человек.

— А то-бы нет!—радостно повторил продавец.

— Скидка 25%!—лукаво подмигнул покупатель.

— Ниже себестоимости!—просиял приказчик. Оба захохотали.

Через десять минут молодой человек выходил из магазина, бережно придерживая покупки.

— Какого чорта,—задумчиво бормотал он: — все равно в другом месте заплатишь столько же.

— И дерут же, дьяволы! — вздохнул он и скрылся в толпе.

—Где же мораль?—недоуменно спросит читатель.

— Морали в этом фельетоне нет. Зато нет и снижения цен.

Кстати! Вспомнил: этот фельетон мною написан и напечатан три года тому назад.

И. СВЭН

НА КУРЬЕРСКИХ

Рис. М. Черемных

Кому, как лестница, карьера,
А я по лестницам—в карьер.
Все шишки валят на курьера,
И с ног сбивается курьер.

▼

Курьер, в местком! Курьер, к замзаву!
Курьер, чернила в оперот!
Главбуху—срочно пачку „Явы"!
Начканцу—спешно бутерброд!

▼

Убрать! Снеси! Раздать по списку!
Курьер, сломался карандаш!
Курьер! Служебную записку—
Надюше, на седьмой этаж...

▼

Весь день я лезу вон из кожи.
Звонок, расписка и пакет—
И мчусь, сметая пыль с прохожих,
Пыхтя, что твой мотоциклет.

В Союз, в Райком, в комендатуру,
В госспирт, на бойни, на вокзал...
Я б заву эту физкультуру
От геморроя прописал!

Но на союз я льщу надежду.
Ах, если бы он только мог
Мне выдать вместо прозодежды
Две запасные пары ног!

И. Ш.

ВЕСНА В КЛУБЕ

(К оживлению клубной работы)

Рис. Б. Антоновского

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА

(ПЕЧАТЬ О ШАНХАЕ)

О пролетариате

„Шанхайский пролетариат насчитывает с в ы ш е п о л у м и л л и о н а человек". (*„Известия"*)

„Шанхай насчитывает 450 тысяч рабочих". (*„Беднота"*).

„Всего пролетарского элемента в Шанхае имеется до 400 тысяч". (*„Раб. Москва"*).

О населении

„Трехмиллионный город". (*„Правда"*).

„Население Шанхая свыше д в у х м и л л и о н о в". (*„Рабочая Газета"*)

„М и л л и о н с т о т ы с я ч". (*„Известия"*).

„Т р и д ц а т ь т ы с я ч иностранцев, среди которых 3 тысячи белогвардейцев". (*„Раб. Москва"*).

„Т р и д ц а т ь п я т ь т ы с я ч иностранцев, в том числе 11 тысяч русских белогвардейцев". (*„Раб. Газета"*).

„Д в а д ц а т ь п я т ь т ы с я ч иностранцев, из них п я т н а д ц а т ь т ы с я ч русских белогвардейцев". (*„Беднота"*).

„Тридцать шесть тысяч представителей иностранного капитала". (*„Известия"*).

О промышленности

„Всего в Шанхае 250 современных фабрик. 80—шелкопрядилен, 58—хлопчатобумажных". (*„Правда"*).

„В Шанхае имеется 101 крупное предприятие". (*„Раб. Москва"*).

„Несколько десятков текстильных фабрик". (*„Раб. Газета"*).

И, наконец:

„В среднем ежедневно в шанхайском порту находится 400 крупных океанских пароходов". (*„Беднота"*).

— „Где же истина?"

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Издатель—„ГУДОК". Отв. редактор—**И. Н. Пирогов.**

Главлит 84755. Москва. 5-я типо-литография „Мосполиграф", Мыльников п., 14. Тел. 4-88-39. Тираж 100000 экз.

ПРОГУЛЬНЫЙ РЕКОРД

Прогульные дни московских строительных рабочих за истекший сезон равняется стоимости постройки пяти четырехэтажных домов, каждый в 48 квартир.

Рис. Н. Радлова

„Рабочая Москва“.

— Эх, хорошобы прогуляться по такой улице! Да жаль, что не придется, потому — ее уже прогуляли!..